
АСИММЕТРИЯ ЯЗЫКОВОГО КОДА И МОТИВЫ ИГРЫ С ЗООНИМАМИ В РУССКОМ И АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКАХ

Ф.С. Бахшиева

Бакинский славянский университет
ул. Сулеймана Рустама, 25, Баку, Азербайджан, AZ1014

Статья посвящена обыгрыванию зоонимов в русском и азербайджанском языках. Отмечается, что асимметрия знака выпукло представлена в сфере зоонимов, что носит закономерный характер с точки зрения познания человеком окружающего мира. Представления о животных формируют устойчивые когнитивные модели, так или иначе характеризующие ментальность народов. Одно и то же животное может предоставлять различные и даже противоположные мышлению и психологии различных народов коннотации. Сопоставление русского и азербайджанского языков в этом аспекте никогда не проводилось. Между тем важность подобного исследования не вызывает сомнения, особенно в рамках современного когнитивного языкознания. Исследование показывает, что азербайджанский язык испытывает сильное влияние русского языка в области осмысления образов животных. Если азербайджанский язык не создает параллелей, то заимствуются русизмы. Особенно характерно это явление для живой разговорной речи.

Ключевые слова: русский язык, азербайджанский язык, зооним, переосмысление, асимметрия языкового знака, ассоциативная модель

В настоящее время значительно усилился интерес к использованию знаков во вторичной функции. Особенную роль в этом сыграло формирование современной когнитивной парадигмы в языкознании. Появилось большое число работ, посвященных метафоре и ее роли в осмыслении человеком окружающего мира. Уже общепризнано, что метафора позволяет добиться максимально точного обозначения явления. Единица вторичной номинации в своей глубинной сути не столько называет, сколько выражает отношение к обозначаемому. Выражение отношения всегда экспрессивно, а экспрессия позволяет добиваться большего коммуникативного эффекта.

Названия животных во всех языках являются источником множества коннотаций. Одно и то же животное в картине мира различных народов пользуется различным «имиджем». Сопоставление языков в этом аспекте имеет большое значение для изучения языковой картины мира и в целом национальных менталитетов, особенно тех народов, которые жили и живут в очень близком соседстве. Русский и азербайджанский языки относятся как раз к таким языкам. В этой статье делается попытка сопоставительного изучения образов двух главных для человека животных — собаки и кошки.

Собака. Вряд ли найдется другое животное, занимающее в жизни человека такое же место, как собака. Действительно, собака сопровождает человека почти на всем его историческом пути. В русском языке основное номинативное значение слова *собака* определяется следующим образом: «домашнее животное семей-

ства псовых, родственное волку, используемое человеком для охраны, на охоте, в упряжке (на Севере)» [5, 4. С. 168].

Номинативные значения слов могут определяться по-разному в зависимости от предпочтений лексикографов, однако существуют объективные показатели, определяющие содержание соответствующего понятия. На наш взгляд, такие признаки, как использование в упряжке, характерное для Севера, не является определяющим для содержания понятия «собака». Для определения места понятия «собака» в парадигме «семейство псовых» достаточно указания одного признака — «домашний». Иными словами, из семейства псовых только собака является домашним животным. Следовательно, в дефиниции определяющими являются два признака: «семейство псовых» и «домашний».

В соответствующей статье из МАС приводится еще два значения этого слова, оба обладают коннотацией. Второе значение определяется как «бранное слово» и характеризуется отрицательной коннотацией, это грубо просторечное слово. Третье, напротив, характеризуется положительной коннотацией и определяется как «выражение одобрения или восхищения».

Таким образом, словарная статья отличается стройностью анализа, что непосредственно отражает стройность семантической эволюции слова. Интересно, что, несмотря на нейтральный характер основного номинативного значения, в нем в зародыше содержится программа коннотативного развития, как в направлении положительной, так и в направлении отрицательной коннотации. Собака служит человеку и, следовательно, заслуживает его одобрения и ласки. Одновременно, охраняя его, она проявляет враждебность и злость по отношению к чужим. Таким образом, в самом номинативном значении заложена биакцентная коннотация.

В соответствующей статье приводятся устойчивые (стандартные) сочетания сочетания со словом *собака*: *как собака, как собака на сене, как собак нерезаных, как кошка с собакой, каждая собака, ни одна собака, вешать (всех) собак, гонять собак, собаку съест, вот где собака зарыта, нужен как собаке пятая нога, с собаками не сыщешь* [5, 4. С. 168—169]. В каждом из этих стандартных выражений представлен один признак собаки, известный русским людям. Эти признаки поддаются счету, и в конечном счете образ собаки в сознании русского народа таков, каким он отражен и обыгран в этих выражениях.

Выражение *как собака* носит абсолютный характер, т.е. здесь нет указания на характер действия или состояния, делающего правомерным сравнение с собакой. В МАС отмечается, что это словосочетание употребляется с некоторыми глаголами, в сочетании с которыми оно означает «совершенно, совсем, очень сильно» [5, 4. С. 168] например: *устал как собака, голодный как собака*. На наш взгляд, в русском языке возможны и иные конфигурации с этим словосочетанием. Например, *набрасываться как собака, ругаться как собака* и т.п., где реализуется признак «злость» или «грубость». Ср. также такой русский стандарт, как надпись на воротах: *во дворе злая собака*.

Собака на сене реализует такой признак, как «охрана». Однако обыгрывание признака принимает неожиданный характер, поскольку собаку «обвиняют» в том, что «она хорошо охраняет». Хорошая охрана вместо положительной получает от-

рицательную оценку, т.е., хорошо охраняя, ни сам не ест, ни другим не дает. Фактически в структуре выражения представлен и контраст собаки и сена, т.е. сено собака не ест, даже если бы и плохо охраняла.

Как собак нерезаных реализует признак множества и отражает стандартную ситуацию картины бездомных собак, слоняющихся по улицам.

Как кошка с собакой в окружении имеет глагол *жить* и также отражает стандартную ситуацию, наблюдаемую этносом на протяжении столетий совместного проживания. Здесь реализуются такие семантические множители, как «злость», «неуживчивость», «плохо» и т.п.

Каждая собака, как и выражение *ни одна собака* реализуют когнитивный признак «на улице». Иными словами, собаки здесь узнаются по признаку «улица» или «бездомность», но связь обратная: если *каждая собака*, то, следовательно, «хорошо известно». Если *ни одна собака*, то, следовательно, никто.

Выражение *вешать всех собак* реализует такой признак, как «вина», «проступок». Фразеологизм *собаку съест* является фразеологическим сращением, поэтому невозможно соотнести концепт «собака» с каким бы то ни было определенным когнитивным признаком. Что касается фразеологизма *вот где собака зарыта*, то здесь актуально представление о том, что зарыто, т.е. спрятано, а не с собакой. Слово *собака* в структуре этого фразеологизма является пустым элементом и фактически факультативным. Его место является устойчивым, но функционально не релевантным.

Выражение *нужен как собаке пятая нога* строится на топосе, т.е. очевидности того факта, что у собаки четыре ноги. С этим связан и элемент гиперболы, содержащийся в риторическом вопросе. Наконец, *с собаками не сыщешь* реализует признак «сыск».

Кроме того, МАС выделяет метафорические значения в прилагательном *собачий*. Третье значение после двух номинативных: «очень тяжелый, невыносимый», четвертое — «в составе некоторых бранных выражений». МАС выделяет также пятое значение слова *собачий*: «как составная часть некоторых ботанических и зоологических названий; собачий лук, собачья петрушка» [5, 4. С. 169]. В конце статьи приводится фразеологизм *собачий нюх* в значении «обостренное чутье» [5, 4. С. 169]. Структура фразеологизма прозрачна, очевидно, что здесь реализуется когнитивный признак «нюх».

В МАС зафиксированы также глаголы *собачить кого* — «ругать» и *собачиться* — «ругаться» [5, 4. С. 169]. Следовательно, в сознании русского народа *собака* ассоциируется также с «бранью».

Таким образом, концепт «собака» в русском сознании ассоциируется с такими признаками, как «злость», «охрана», «защита», «поласкать», «потрепать по шерсти», «брань», «сильно», «много», «бродяжничество», «сыск», «очень тяжелый», «невыносимый», «острый нюх», «запах», «ругать», «ругаться». Что касается семантических множителей, то их, разумеется, значительно больше, но в процессе проводимого анализа важны когнитивные признаки концепта, а не семы, структурирующие значение слова. Выделенные признаки позволяют проследить игру со словом *собака* и производными в русском языке.

В азербайджанском языке эквивалентом русского слова *собака* является слово *it*. В Толковом словаре азербайджанского языка это слово зафиксировано в двух значениях. По первому дается следующая дефиниция: «домашнее животное, входящее в особую группу млекопитающих типа таких хищников, как волк и лиса» [8, 2. С. 606]. Второе значение квалифицируется как переносное и определяется следующим образом: «с плохим характером, злой на язык, драчун, ругатель, необходимый человек». Отмечается, что чаще всего это слово встречается с союзным словом *kimi*. Здесь же в качестве употребления (при втором значении) указывается возможность использования как бранного слова [8, 2. С. 606].

Таким образом, семантическая структура русского слова *собака* и азербайджанского слова *it* отличается отсутствием у азербайджанского эквивалента семантики ласки и одобрения, или восхищения.

Азербайджанское слово также создает целую парадигму устойчивых выражений, в структуре которых реализуется набор когнитивно значимых признаков. Эти признаки, как и в русском языке, создают устойчивые ассоциативные мосты, формирующие связь концепта «собака» с животным. Кроме того, эти признаки служат основой обыгрывания самого знака *it* в азербайджанском языке.

В статье на слово *it* после соответствующего знака приводятся фразеологические единицы с этим словом в качестве компонента. Большинство из них содержит хотя бы один когнитивный признак, характеризующий концепт «собака» в азербайджанском сознании и дающий возможность соответствующего обыгрывания этого слова в речи. Стандартные и устойчивые связи фиксируются в словарях и квалифицируются как узуальные. Перечень выражений со словом *it* начинается с фразеологизма *it da getdi, ip da* [8, 2. С. 606]. Конечно, семантическая структура фразеологизма содержит элемент комизма, т.е. собака ушла, хотя бы веревка осталась, а то и веревку унесла. Такой комический эффект направлен на гиперболизацию, т.е. «все пропало» и «окончательно пропало». Однако в структуре выражения представлен и совершенно нейтральный когнитивный признак, отражающий стандартную ситуацию: собак держат на привязи. Это своеобразный стандарт мышления, поэтому и не нужно объяснять, о какой веревке идет речь.

It daftərində adi yoxdur, т.е. «не записан даже в собачьей книге, нигде не упоминается, его никто не знает». Конечно, и здесь присутствует элемент гиперболизации, однако и в этом случае возможна реальная основа, давшая основание для обыгрывания. Возможно, и собаки были на учете, если и не были записаны, то жители села знали всех своих собак. Существенным для обыгрывания признаком является известность собак, как, впрочем, и других животных. Встречаются сельские жители, которые даже куриц знают по их принадлежности хозяевам.

It günü çəkmək. Эта ассоциация нам знакома по соответствующей парадигме русского языка. Ассоциативным признаком и в этом случае является «тяжесть жизни». Соотнесение тяжелой человеческой жизни с обычной жизнью собаки становится ментальным или этноментальным стандартом как русских, так и азербайджанцев.

Выражения *it kökündə, it günündə, it diriliyində* даются в двух значениях: первое определяется как «плачевный, неряшливый, грязный внешний вид»; второе —

«уставший, подавленный, измученный» [8, 2. С. 606]. Прямого соответствия этим ассоциациям в русском языке мы не находим. Однако в русском языке существует выражение *шелудивый нес*, которое на ассоциативном уровне соотносительно с указанными азербайджанскими выражениями.

Выражение *it ilində* не находит соответствия в русском языке, следовательно, в русском сознании отсутствует ассоциация собаки с древностью. Разумеется, и в азербайджанском языке такой ассоциации нет, однако она существовала, что и дало основание для образования такого выражения.

Фразеологизм *it üyəsini tanımur* отражает стандартную ситуацию, в соответствии с которой каждая собака знает своего хозяина. Суть гиперболизации состоит в том, что «возможны ситуации, когда даже собака не узнает своего хозяина».

Выражения *itdən alıb itə vermək* и *itdən əskik eləmək* реализуют обычный для образа собаки когнитивный признак. Буквально фразеологизмы означают «вырвать у одного пса и отдать другому» и «сделать (опустить) ниже собаки». Хотя фразеологизмы даются как синонимичные, у них разные образные основы, следовательно, в них реализуются различные когнитивные признаки. В первом выражении реализуется признак «злость», во втором — «низость», «подлость». То же значение имеет и фразеологизм *itdən biabır etmək* [8, 2. С. 607]. В структуре данного выражения также представлен когнитивный признак «подлость», т.е. в сознании азербайджанцев концепт «собака» устойчиво ассоциируется с подлостью.

В структуре фразеологических единиц *itin sözünü demək* и *itə dönmək* реализуется признак «злость», «ярость», «неистовство». Правда, судя по статье из ТСАЯ, эти два фразеологизма являются абсолютными синонимами, чего на самом деле, конечно же, нет. Фразеологизм *itin sözünü demək* является полным эквивалентом русского слова *собачить*, т.е. «сильно ругать», в то время как *itə dönmək* буквально означает «превратиться в собаку». Такого рода метаморфоза означает «безумствовать, набрасываться на всех, как собака». Если в семантике первого выражения актуально ругать конкретно кого-то, то во втором важно, что в таком состоянии оказывается человек безотносительно к кому-то конкретно, он набрасывается на всех. Следовательно, он не кого-то ругает, не кто-то его рассердил, это его природа, его состояние.

Itin dilini bilir. Здесь собака выступает символом другого мира, недоступного человеку. В утверждении о знании особенностей этого мира содержится гиперболизация, непосредственно служащая экспрессии. Что касается обыгрывания слова *it*, то оно однозначно выступает обозначением запредельного для человека. Такое использование данного знака напоминает образ птиц в восточной мифологии. Ср.: Соломон понимал язык птиц и т.д.

Выражение *itin dişi motalın dərisi* использует символ собаки совершенно факкультативно, однако ясно, что присутствует мотивация. Если исходить из актуального значения выражения, то концепт «собака» здесь не реализует ни одного когнитивно значимого признака. Однако если учитывать образную основу, то в сознании носителей языка активизируется образ собаки, вцепившейся в бурдюк с сыром. Ситуация носит стандартный характер, но в структуре выражения используется не данный стандарт, а безразличие человека, которому дела нет ни до

собаки, ни до сыра. Именно в этом смысле образ собаки, как и образ бурдюка с сыром, является факультативным.

Itin sözüni demək означает «сильно ругать, говорить непристойности кому-л.», здесь образ собаки олицетворяет «низкое существо». Имплицитно в структуре выражения реализуется такой признак, как «вседозволенность», т.е. с собакой можно обращаться как угодно. Слово *it* в азербайджанском языке воплощает в себе все эти коннотации.

Выражение *itinə tək* на глубоком уровне отражает стандартную житейскую ситуацию. Когда чего-то очень много (каких-либо съестных продуктов), то дают и собакам. Следовательно, концепт «собака» здесь опосредованно реализует такой признак, как «обилие».

В структуре выражения *itlə çixarmaq (qovmaq)* реализуется основной для концепта «собака» когнитивный признак — «злость», «агрессия», «нападение». Фразеологизм означает «прогнать кого-л. с руганью, оскорблениями» [8, 2. С. 606].

Фразеологизм *itlə pişik kimi (dolanmaq)* является полным эквивалентом русского выражения *жить как кошка с собакой*. Можно сказать, что здесь реализуется стандартная ситуация из мира домашних животных. Следовательно, соответствующий стандарт характеризует и русское, и азербайджанское мышление. В качестве основного когнитивного признака в структуре фразеологизма реализуется «неуживчивость». Опосредованно представлен, разумеется, и такой признак, как «агрессия», причем агрессия ассоциируется с образом собаки.

В выражении *başına it oyunu açmaq (gətirmək)* слово *it* олицетворяет предел силы, напряжения, связывая это напряжение с негативом. Вряд ли здесь реализуется какой-либо когнитивный признак концепта «собака» в азербайджанской языковой картине мира. Однако сама ассоциация «негативного напряжения» дает возможность всячески обыгрывать слово *it* в азербайджанском языке.

В структуре выражения *kimin iti tutub* слово *it* олицетворяет злость, агрессию. Буквально фразеологизм означает «чья собака покусала?», т.е. «с чего так взбесился?», следовательно, здесь реализуется один из основных когнитивных признаков концепта «собака».

Фразеологизм *nə itim azıb?* также отражает стандартную ситуацию. Собака иногда теряется, а хозяин ее ищет, т.е. проявляет беспокойство. Буквально фразеологизм означает «что за собаку я потерял?», т.е. «какое мне дело, мне-то что за дело».

Интересно, что в перечень устойчивых словосочетаний и фразеологизмов с компонентом *it* авторы ТСАЯ не включают широко распространенное выражение-компаратив *it kimi*. На наш взгляд, оно носит абсолютный характер в данной парадигме и предполагает прецедентность образа собаки и соответственно знакомство носителей языка с данным прецедентным феноменом. Именно это и делает возможным употребление слова *it* в абсолютной позиции. Другое дело, что, как и все фразеологические единицы, выражение *it kimi* характеризуется собственным окружением. Следовательно, в сознании современных азербайджанцев *it kimi* согласуется в единой конфигурации с названиями определенных действий. Например, весьма устойчивой являются конфигурации *it kimi danışmaq, it kimi*

adamı qarmaq, it kimi özünü aparmaq, где слово *it* ассоциируется со «злостью», «лаем/руганью», «агрессией/нападками».

Таким образом, слово *it* в азербайджанском языке обладает широким спектром переносного употребления. В основном эти переносные употребления характеризуются отрицательной коннотацией. В азербайджанском языке отсутствует ласковое отношение к собаке и соответственно на основе ассоциации к человеку. Интересно также, что в азербайджанском языке не отмечается устойчивая конфигурация *верный как собака*. Проведенный анализ позволяет выделить и систематизировать следующие когнитивные признаки, на основе которых обыгрывается слово *it*: «хищность», «неприятность», «злость», «ругатель», «драться», «держаться на цепи/веревке», «низость», «подлость», «жить тяжело, невыносимо», «побитый», «оборванный», «древность», «агрессия», «другой», «много», «неуживчивость», «бешенство», «потеряться» и т.д.

Сравнение слов *собака* и *it* показывает, что в основном мотивация обыгрывания в русском и азербайджанском языках этих слов носит идентичный характер. Как уже отмечалось, в русском языке существенен мотив ласкательности, чего нет в азербайджанском языке. Следует также отметить, что в обоих языках концепт «собака» реализует себя не только в отмеченных словах. Например, в русском языке с точки зрения коннотации очень активно слово *пес*, в азербайджанском — *köpək*. Вся парадигма не привлекается к исследованию, поскольку в наши задачи не входит обнаружение способов вербализации концепта «собака». Цель нашего исследования — выявить и сопоставить способы обыгрывания основных номинаций, в данном случае названий животных. Тем не менее интересно отметить, что русское слово *пес* отличается от слова *собака* однозначно отрицательной коннотацией. Так, МАС отмечает «о человеке, вызывающем презрение, негодование своими поступками» [5, 3. С. 113]. В азербайджанском языке слово *köpək* в основном номинативном значении полностью идентично слову *it*. Во втором значении оно употребительно только как ругательство [8, 2. С. 758]. Интересно, что составители ТСАЯ не фиксируют широко распространенного выражения *it kimi*, но в статье, посвященной слову *köpək*, приводят как устойчивое сочетание выражение *köpək kimi* [8, 2. С. 758]. Согласно авторам статьи, данное устойчивое словосочетание имеет только одно значение: «подхалим». Интересно также, почему ТСАЯ квалифицирует выражение *köpək kimi* как устойчивое сочетание, а не фразеологизм. Обычно в словарях устойчивые сравнения даются как фразеологизмы. ТСАЯ дает *köpək kimi* за знаком квадрата, что расценивается как устойчивое словосочетание. Фразеологические единицы, как правило, приводятся в конце словарных статей за знаком ромба.

Проведенный анализ позволяет установить в целом идентичность игровых стратегий слова *собака* в русском языке и *it* — в азербайджанском. Основанием для сравнения в основном является признак «злость». Не случайно незлую собаку азербайджанцы называют *yaltaq*, т.е. «подхалим», «лизоблюд» [8, 4. С. 512]. Отсюда следует, что основная ассоциация, связывающая коллективное сознание с образом собаки, составляет когнитивный признак «злость». Более того, существуют такие модули сознания на основе ассоциаций с собакой, как необходимость сделать ее достаточно злой. Например, принято обрезать уши у щенков.

Кот. Кошка. Во многих языках символ кота/кошки дает множество коннотаций, как положительных, так и отрицательных. Интересно отметить, что Джек Тресиддер в своем знаменитом Словаре символов дает только *кошку, кота* — нет [7. С. 166]. Согласно Д. Тресиддеру, кошка олицетворяет собой «хитроумие, способность перевоплощения, ясновидение, сообразительность, внимательность, чувственную красоту, женскую злость» [7. С. 166]. Отмечается, что в Египте существовал культ богини с кошачьей головой. Но существует и негативный образ кошки, когда она ассоциируется даже с дьяволом [7. С. 167]. В общем кошка воплощает в себе широчайший диапазон коннотаций. Ясно, что сегодня в языках мира могут сохраняться только отголоски древних представлений, однако соответствующие номинации поддаются обыгрыванию на их основе. Если так, то они несут вполне реальный характер.

В МАС слово *кот* приводится только в основном номинативном значении: «самец кошки» [5, 2. С. 115]. В конце статьи приводится три фразеологизма: *кот наплакал, кот в мешке, кота в мешке купить*. Нельзя полностью отрицать мотивацию этих фразеологизмов номинативным значением слова *кот*, точнее, определенными семантическими множителями, структурирующими его семантическую структуру, например, коты не плачут, отсюда гипербола *кот наплакал*, т.е. «совсем ничего». Поскольку кот является загадочным животным, исходя из этого, можно объяснить роль этого знака в следующих двух ФЕ, т.е. кот как компонент ФЕ выступает символом загадочности, таинственности, непонятности.

МАС не отмечает широко распространенного в русской речи значения этого слова, ассоциируемого с нравственностью. В Словаре С. И. Ожегова оно фиксируется как второе и переносное: «о похотливом, сластолюбивом мужчине» [4. С. 301]. Значение снабжается пометами: «просторечное и пренебрежительное». Мотивация знака очевидна и не предполагает каких-то особых комментариев. Известно также выражение *майские коты*.

Несколько неожиданное с точки зрения современного состояния языка объяснение этого второго значения обнаруживается в БАС: «То же, что сутенер (в воровском жаргоне)» [6, 5. С. 1533]. Связь с переносным значением из МАС, конечно, прослеживается, но и самостоятельность семемы также очевидна. Не всякий сластолюбивый мужчина является сутенером. Точнее, между актуальными значениями этих двух слов-семем нет связи. Если же пытаться установить мотивационную связь, то можно предположить, что сутенеры, видимо, являются сластолюбивыми мужчинами. Интересно также указание на воровской жаргон, т.е. здесь это значение специализируется.

Некоторое объяснение данной мотивации находим в Словаре В.И. Даля: «коты — альфонсы, сожители и эксплуататоры проституток» [1, 2. С. 459]. Следовательно, не просто сутенеры (эксплуататоры), но и сожители.

В Словаре молодежного сленга также отражено значение «сутенер». Однако оно дается как второе. Первым же является следующее: «юноша, мужчина, пользующийся успехом у женщин» [3. С. 314]. Неожиданность этого значения состоит в том, что меняется характер отношений. Речь уже идет не о сластолюбивом мужчине, а наоборот, о том, кто сам становится объектом вождления.

В Словаре русской брани у слова *кот* отмечается четыре значения. Пометы *просторечное*, *жаргонное* и *презрительное* распространяются на все четыре значения: «1. Сутенер; мужчина, живущий на содержании проститутки. 2. Мужчина, живущий на иждивении любовницы. 3. Сообщник проститутки, обворовывающий ее клиентов. 4. Сожитель; любовник» [2. С. 176—177]. Здесь выделяются новые по отношению к известным нам значения данного слова. Это такие признаки, как «на иждивении любовницы (не проститутки)», «обворовывать клиентов (вообще воровать)», «любовник (не сутенер, просто любовник)». Интересно, что при сохранении неизменной мотивации, ее стратегической линии, значение все же эволюционирует, разветвляется.

В русском языке слова *кот* и *кошка* различаются не только формально-грамматически, то и по системе смыслового обыгрывания. Характерно, что *кошка* становится объектом переосмысления, но только в специальных значениях. Так, в МАС у этого слова выделяется пять значений, одно основное номинативное, второе также номинативное, но гипероним по отношению к основному, и три производных, но также номинативных, поскольку они носят специальный характер: «приспособления для подъема затонувших предметов», «приспособление для лазанья на столбы», «приспособление для телесных наказаний» [5, 2. С. 118].

В статье приводятся фразеологизмы *драная кошка*, *знает кошка*, *чье мясо съела*, *как кошка с собакой*, *как угорелая кошка*, *кошки скребут на душе*, *(черная) кошка пробежала между кем*, *кошки-мышки* [5, 2. С. 118]. Интересно отметить одно обстоятельство. ФЕ на основе слова *кошка* носят более конкретный характер по сравнению с основанными на *коте*. Исключение составляет выражение *кошка пробежала* или *черная кошка пробежала между кем и кем*, которое не мотивировано с точки зрения когнитивных признаков концепта «кошка». Возможно, однако, что здесь существует какое-то древнее поверье, связанное с кошкой. Возможно также, что это единственный случай актуализации тех древних значений, о которых говорит Дж. Тресиддер, и здесь *кошка пробежала* означает «козни дьявола».

В Словаре молодежного сленга *кошка* дается в значении «1. Любовница и 2. наркотик» [3. С. 316]. Скорее всего, второе значение строится на игре морфем *нар+котик*, где *котик* имеет ласкательное осмысление, отсюда и *кошка*. В Словаре русской брани: «КОШКА Жарг. 1. Женщина легкого поведения. 2. Проститутка, покинутая любовником». 3. Женщина как объект манипуляций проститутки-лесбиянки. 4. Девушка. Фразеологизм *драная кошка* приводится по второму значению. ФЕ снабжается такими стилистическими пометами, как *просторечное* и *презрительное*. Значение определяется как «худая, изнуренная проститутка». К четвертому значению приводится фразеологизм *кошка-милашка*, который снабжается пометами *ласкательное* и *шутливое*. Объясняется как обращение к миловидной девушке [2. С. 177]. Жаргон, как видим, вносит новое осмысление. Новыми являются семы «покинутость», «помыкание», «лесбиянка», и неожиданно совершенно нейтральное значение «девушка».

В целом, проведенный анализ показывает, что слова *кот* и *кошка* в русском языке обнаруживают богатейший диапазон значений и оттенков. Но при этом

стратегическая мотивация игры с этими знаками одна и та же. Важнейшим мотивом является «взаимоотношение полов». Видимо, в русском сознании это животное ассоциируется в основном с соответствующим основным для него инстинктом.

В азербайджанском языке существует в интересующем нас аспекте совершенно иная ситуация прежде всего в силу грамматического несоответствия русскому языку. Иными словами, здесь нет корреляции по половым признакам, выраженным в грамматических формах, тем более нет переосмысления по половым признакам и игры с этими отличиями. Существует одно слово — *pişik*. В Толковом словаре азербайджанского языка слово *pişik* зафиксировано только в одном номинативном значении. Если перевести представленную дефиницию на русский язык, то получится следующее определение: «Домашнее животное млекопитающее, входящее в единое семейство с тиграми, львами и др.» [8, 3. С. 606]. Никаких нюансов, никаких употреблений. Нет даже разграничения между домашним животным и семейством кошек. Более того, в словарях русского языка при определении основного номинативного значения всегда указывается, что это животное ловит мышей и крыс. Например, в МАС: «Домашнее животное с повадками хищника, истребляющее мышей и крыс» [5, 2. С. 118]. На самом деле, конечно, основное номинативное значение слова *кошка* могло и не включать упоминания о мышах и крысах, поскольку эта функциональная характеристика не входит в содержание понятия «кошка». С таким же успехом кошка набрасывается и на змей, и на птиц и даже на домашних. Необходимо было просто отметить, что это домашнее животное из семейства кошачьих.

В ТСАЯ приводится два фразеологизма с компонентом *pişik*: *pişiyə rast gələn (pişik görmüş) siçan kimi* и *pişiyimiz oğlan doğub* [8, 3. С. 606]. Первое употребляется в значении «испытать сильный страх, ужас». Буквально ФЕ означает «как мышь, наткнувшаяся на кошку». Второе выражение носит иронический, даже издевательский характер, это ироническая оценка какого-то действия, поступка, буквально «наша кошка родила мальчика».

Сравнение стратегий переосмысления слов *кот/кошка* в русском языке и *pişik* в азербайджанском показывает не просто преобладание значений в русском языке, а тот факт, что они не находят никакого соответствия в азербайджанском языке. Как показал проведенный анализ, в русском языке все варианты обыгрывания этих знаков имеют под собой одну мотивационную стратегию. Вместе с тем существенно разнообразие смысловых нюансов при почти неизменном сохранении коннотации, которая всегда носит сниженный характер.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Том 1. Издание т-ва М.О. Вольф, СПб., 1912. 1744 стл.; Том 4. Издание т-ва М.О. Вольф, СПб.—М., 1912. 1619 стл.
- [2] *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Словарь русской брани. СПб.: «Норинт», 2003. 448 с.
- [3] *Никитина Т.Г.* Молодежный сленг: Толковый словарь. М.: Астрель: АСТ, 2003. 912 с.
- [4] *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1990. 917 с.
- [5] Словарь русского языка в 4 томах. Т. 1. Т. 4. М.: Русский язык, 1981, 698 с. Том 4. М.: Русский язык, 1984. 794 с.

- [6] Словарь современного русского литературного языка в 17 томах. Т. 1. М.–Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1948. 736 с. Том 17. М.–Л.: Наука, 1965. 2126 с.
- [7] *Тресиддер Дж.* Словарь символов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. 448 с.
- [8] *Azərbaycan dilinin izahlı lüğəti*. 1 cild. Bakı: Şərq-Qərb, 2006. 744 s. 4 cild. Bakı: Şərq-Qərb, 2006. 712 s.

Для цитирования: Бахшиева Ф.С. Асимметрия языкового кода и мотивы игры с зоонимами в русском и азербайджанском языках // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2016. № 3. С. 28–39.

THE ASYMMETRY OF THE LANGUAGE CODE AND MOTIVES FOR PLAYING GAMES WITH ZOONYMS IN RUSSIAN AND AZERBAIJANI

F.S. Bakhshiyeva

Baku Slavic University
Suleyman Rustam str., 25, Baku, Azerbaijan, AZ1014

The article deals with the use of zoonyms in Russian and Azerbaijani languages. It is noted that the asymmetry of sign is vividly presented in sphere of zoonyms that is logical in terms of man's learning a surrounding world. Representations of animals form stable cognitive models, one way or another characterizing the mentality of various nations. One animal can provide different and even contradictory connotations of thinking and psychology of various nations. Comparison of the Russian and Azerbaijani languages in this aspect has never been conducted. Meanwhile, the importance of such a study does not give rise to doubt, especially in terms of modern cognitive linguistics. Research shows that the Azerbaijani language has experienced and continues to experience a strong influence of the Russian language in the comprehension of animal images. If the Azerbaijani language does not create parallels, then it borrows Russisms. Especially this phenomenon is characteristic of conversational speech.

Key words: Russian language, Azerbaijani language, zoonim, rethinking, asymmetry of linguistic sign, associative model

REFERENCES

- [1] Dal' V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka*. Tom 1. Izdanie t-va M.O.Vol'f, SPb., 1912. 1744 stl.; Tom 4. Izdanie t-va M.O.Vol'f, SPb.–M., 1912. 1619 stl. [Dahl V. The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. Vol. 1. Saint Petersburg. Moscow: The M.O. Wolf Society Press, 1912, 1744 p.; Vol. 4. Saint Petersburg. Moscow: The M.O. Wolf Society Press, 1912. 1619 p.]
- [2] Mokienko V.M., Nikitina T.G. *Slovar' russkoj brani*. SPb. «Norint», 2003. 448 s. [Mokienko V.M., Nikitina T.G. Dictionary of Russian Foul Language. Saint Petersburg: Norint, 2003. 448 p.]
- [3] Nikitina T.G. *Molodezhnyj sleng: Tolkovyj slovar'*. M.: ООО «Izdatel'stvo Astrel'»: ООО «Izdate'l'stvo AST», 2003. 912 s. [Nikitina T.G. Youth slang: Explanatory dictionary. Moscow, Publishing house "Astrel"; Publishing house AST, 2003. 912 p.]
- [4] Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo jazyka*. M.: Russkij jazyk, 1990. 917 s. [Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian Language. Moscow: Russian Language, 1990. 917 p.]

- [5] *Slovar' russkogo jazyka v 4-h tomah. AN SSSR. Institut russkogo jazyka*. Tom 1. Moscow, Russkij jazyk, 1981, 698 s. Tom 4. M.: Russkij jazyk, 1984. 794 s. [Dictionary of the Russian Language in 4 volumes. Vol. 1. Moscow: Russian Language, 1981, 698 p. Vol. 4. Moscow: Russian Language, 1984. 794 p.]
- [6] *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka v 17 tomah*. Tom 1. M.–L.: Izd-vo Akademii Nauk SSSR, 1948. 736 s. Tom 17. M.–L.: Nauka, 1965. 2126 s. [The Dictionary of the Modern Russian Literary Language in 17 volumes. Vol. 1. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1948, 736 p.; Vol. 17. Moscow-Leningrad: Nauka Publ., 1965. 2126 p.]
- [7] Tresidder Dzh. *Slovar' simvolov*. M.: FAIR-PRESS, 2001. 448 s. [Tresidder, J. Dictionary of symbols. Moscow: FAIR-Pewss Publ., 2001. 448 p.]
- [8] Azərbaycan dilinin izahlı lüğəti. 1 cild. Bakı: Şərq-Qərb, 2006. 744 s. 4 cild. Bakı: Şərq-Qərb, 2006. 712 s. [The Explanatory Dictionary of the Azerbaijani Language in 4 volumes. Vol. 1]. Bakı: East-West Publ., 2006, 744 p. Vol. 4. Bakı: East-West, 2006. 712 p.]

For citation: Bakhshiyeva F.S. The asymmetry of the language code and motives for playing games with zoonyms in Russian and Azerbaijani [Asimmetrija jazykovogo koda i motivy igry s zoonimami v russkom i azerbajdzhanskom jazykah]. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Education Issues Series: Languages and Specialty. 2016, no. 3, pp. 28–39. (In Russian)